

В САМОМ КОНЦЕ ВОЙНЫ

Мы даже не предполагали, какое это трудное дело — называть среди ряда имен писателей, книги которых мы любим, одно-единственное. Но вот в результате обсуждений, споров оно было произнесено. Это Василь Быков. Его произведения нас волнуют, заставляют думать о человеческой жизни, о ее ценности, о ее смысле, заставляют сопоставлять, сравнивать, открывают, какими силами наделен человек. Мы вновь перечитали его книги, и они вновь заставили нас страдать и наслаждаться, радоваться и горевать. Мы очень просим Василя Владимировича рассказать какую-нибудь историю из его жизни, какой-нибудь эпизод, свидетелем, участником которого он был, который лег в книгу или послужил толчком для написания повести. А мы их, повторяем, хорошо знаем.

Студенты биофака МГУ
Н. КАЗЕНКОВА,
А. БЕЛКИН,
В. МЕЛЬНИКОВ,
В. КОНДРАТОВ,
секретарь комитета
комсомола биофака МГУ

ЭТО произошло в самом конце войны в Австрийских Альпах, куда уже властно вошла последняя военная весна и с ней мощным потоком хлынули войска двух наших фронтов.

Здесь был глубокий тыл немецкого рейха и, как всюду в его тылу, было много работавших на войну промышленных предприятий и, конечно, всяческих лагерей: концентрационных, военнопленных, рабочих. С приходом Советской Армии все они приходили в движение, охрана разбегалась, дороги и населенные пункты наводнялись многими тысячами людей, согнанных из всех стран Европы.

Однажды мы заняли какой-то городок и ждали новой команды. Длинная колонна артополка, повернув к обочине, замерла на вымощенной брусчаткой окраинной улочке. Кажется, это был Фельдбах или, может быть, Глейсдорф — память сохранила общий вид городка, но совершенно утратила его название. Селдатам не было разрешено отлучаться из машин, мы вот-вот должны были свернуть с прежнего направления, и начальство в командирском «виллисе» что-то решало на карте.

В кабине «студебеккера» сильно пригрело солнце, после бессонной ночи клонило в дрему, и я вылез на улицу. Солдаты в кузовах тоже сидели, разомлевшие от тепла, и дремотно «клевали» носами; по мостовой вдоль машин прошла группа выравнявшихся на свободу издававших экспансивных людей в темных беретах. Они несли национальный французский флаг, распевали «Марсельезу» и что-то прокричали нам, но мы не поняли, и только старшина Лукьянченко добродушно помахал им из кузова — давай, мол, не стоит благодарности. Освободили, так что ж... Это нам — семечки.

И тут возле одной из дальних машин на глаза мне попала девушка — щупленькая, черноволосая, в полосатой куртке и темной юбочке, она перебирала взглядом лица бойцов в машине и отрицательно вертела головой. А в машине уже началось обычное в таком случае оживление: что-то там наперебой выкрикивали бойцы, но она, погасив улыбку, перешла к следующей машине.

— Товарищ, кто есть Иван?

— Иван? — вскочил крайний боец. — Я Иван, вот он Иван, и шофер наш тоже Иван.

Исполненное надеждой лицо девушки постепенно скучнело по мере того, как она переводила взгляд с одного Ивана на другого, и она с тихой печалью молвила:

— Но, То́нн Иван.

Что-то заинтересовало меня в этих ее поисках, и я подождал, пока она, повторяя все тот же вопрос, не обо-

шла всю колонну. Разумеется, Иванов у нас было много, но ни один из них не псказался ей тем, кого она разыскивала. Тогда мы вместе с командиром третьей батареи капитаном Коханом подошли к девушке и спросили, какого именно Ивана она разыскивает.

Девушка сначала немного всплакнула, но быстро овладела собой, рукавом куртки вытерла темные блестящие глаза и, окинув нас испытующим взглядом и страшно перевирая русские и немецкие слова, густо пересыпанные итальянскими, рассказала примерно следующее.

Ее зовут Джулия, она итальянка из Неаполя. Год назад, летом сорок четвертого, во время бомбежки союзной авиацией расположенного в Австрии военного завода она бежала в Альпы. После блуждания по горам встретила русского военнопленного, тоже бежавшего из концлагеря, и они пошли вместе. Сначала он не хотел брать ее с собой, так как пробирался на восток, ближе к фронту, она же хотела на родину, в Италию, откуда была вывезена после подавления восстания в Неаполе и брошена в немецкий концлагерь. Несколько дней они проблуждали в горах, голодные и раздетые, перешли заснеженный горный хребет и однажды в туманное утро напоролись на полицейскую засаду. Ее схватили и снова бросили в лагерь, а что случилось с Иваном, она не знает. Но она очень надеется, что он избежал ее участи, пробрался на фронт и теперь вместе с Красной Армией снова пришел в Австрию.

Конечно, это было наивно — надеяться встретить в огромнейшем потоке войск знакомого парня; мы, как могли, утешили девушку и поспешили к своим машинам, потому что уже была подана команда к движению.

В тот же день под вечер начался затяжной бой за очередной городок, вскоре после 15 капитан Кохан, я почти забыл об этой мимолетней фронтовой встрече и вспомнил о ней лишь спустя восемнадцать лет, когда занялся литературой. И тогда я написал все то, что вы прочитали в «Альпийской балладе».

Вот и вся коротенькая история—пролог к одной из моих повестей, заинтересовавших группу студентов из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

МИНСК

1979, 1 янв.
Лит. газ.